

Принц Леопольд Баварский,
убитый на фронте Мезель-Седан.

фомъ Ферморомъ, 29 января 1758 года. После поражения при Гросс-Егерсдорфѣ прусская войска уже не оказывали сопротивления русской арміи, и городъ былъ занятъ безъ боя. Тотчас же изъ Петербурга былъ командированъ туда баронъ Н. А. Корфъ, назначенный генераль-губернаторомъ завоеванныхъ у прусаковъ провинций, который и вступила въ управление городомъ.

Вся восточная Пруссія, очищенная отъ войскъ Фридриха II, почти 4 года состояла подъ русской провинцией какъ главный городъ Кёльн-Кемпенъ.

Всѣ жители были приведены въ присягу на верность русской императрицы.

Бролевскій губернаторомъ былъ сначала баронъ Корфъ, но въ 1760 году онъ былъ отозванъ въ Петербургъ, и въ преемникъ ему былъ назначенъ Василий Иванович Суворовъ, отецъ будущаго фельдмаршала, который въ то время былъ скромнымъ подъчиненнымъ русской арміи.

Въ то время, какъ въ бывшемъ замѣкѣ великихъ магистровъ квартировалъ баронъ Корфъ, которому однажды обратился молодой, никому неизвестный ученикъ Имануилъ Кантъ, занимавший въ университете должность прив.-юл. Онъ просилъ о принятии его въ русское подданство и о принесеніи въ петербургскій акаадеміи наукъ, которая въ тѣ времена носила еще современійский характеръ: болѣшіе посѣщалъ членовъ болѣшіи, печатавши свои сочиненія на немецкомъ языке.

Събѣщеніе барона Корфа помѣщало уловствование этого холодаства, и прошеніе Канта затянулось среди бумагъ.

Въ настоящее время Кенигсбергъ является главнымъ городомъ восточно-прусской провинціи, состоящей изъ двухъ округовъ: Кенигсбергскаго и Штаденскаго.

Составъ барона Корфа: Евгений Евдокимовичъ, полковникъ Константиновъ,

поручикъ Лукашовъ, Евгений Евдокимовичъ, полковникъ Константиновъ,

поручикъ Малышевъ Борисъ Николаевичъ, полковникъ Малышевъ Петъръ Петровичъ, капитанъ Николаевичъ,

поручикъ Матвѣевъ Илья Александровичъ, поручикъ Малышевъ Петъръ Петровичъ, капитанъ Пелчинъ Николаевичъ,

поручикъ Павловъ Петровичъ, капитанъ Павловъ Николаевичъ, подпоручикъ Павловъ Александъръ Захаровъ, капитанъ Павловъ Сергеевичъ, подпоручикъ Петровскій Александъръ Сергеевичъ, ротмистръ Пушкинъ Александъръ Анатольевичъ, капитанъ Рыбниковъ Владимира Васильевичъ, сослуживъ Холхасъ Евгений Евдокимовичъ, подполковникъ Черепинъ Александъръ Аполлоновичъ, штабс-капитанъ Шеллеръ Александъръ Матвѣевичъ, раненъ и остался въ строю маюры Кайзеръ Христо Нѣкоичъ, Контузены полковника Васильевъ Петъръ Гавриловъ и капитанъ Салѣпъ Федоръ Митропольчъ.

«Рѣчь» сообщаетъ: «Въ Ковѣ было доставленъ командръ полка, сдержившаго патицкій германской линии, полковникъ Гринниковъ, смертельно раненъ въ голову. Сѣянная ему трепалія не помогла и онъ скончался».

Подпоручикъ Л. привезъ съ собою въ Мскву съѣзжую рапортъ ротного командря: «Долопу, что германцы избиваютъ нашихъ раненыхъ, а некоторые мышатъ, тѣхъ призываютъ. Свѣтѣющіеся» этого являются нижніе чины Смирновъ и Миногуловъ. Послѣдній булыкъ раненъ въ руку, былъ затѣмъ германцами раненъ штыкомъ. Полупоручикъ избиваетъ такія подробности: раненый Миногуловъ, когда въ немъ подошли вѣмѣщи санитары, застонала. Санитары хотѣли познать раненого, но, узнавъ въ немъ русскаго, отпѣли изъ санитаровъ ударили Миногулову штыкомъ въ спину. Нѣмы вырвались пакъть съ перенесочнымъ материаломъ у одного капитана, когда онъ, будучи раненъ, началъ дѣлать себѣ перевязку.

Петъръ Радченъ: капитанъ Вороновъ

Сергѣй Александровичъ, подполковникъ Гусарскій Владиславъ Юлиановичъ, капитанъ Ерасовъ

Федоръ Семеновичъ, ротмистръ Картавцовъ Николай Леонидовичъ, пророчникъ Константиновъ,

поручикъ Лукашовъ, Евгений Евдокимовичъ, подпоручикъ Малышевъ Борисъ Николаевичъ, пророчникъ Матвѣевъ Илья Александровичъ, поручикъ Малышевъ Петъръ Петровичъ, капитанъ Пелчинъ Николаевичъ,

поручикъ Павловъ Петровичъ, капитанъ Павловъ Николаевичъ, подпоручикъ Павловъ Александъръ Захаровъ, капитанъ Павловъ Сергеевичъ, подпоручикъ Петровскій Александъръ Сергеевичъ, ротмистръ Пушкинъ Александъръ Анатольевичъ, капитанъ Рыбниковъ Владимира Васильевичъ, сослуживъ Холхасъ Евгений Евдокимовичъ, подполковникъ Черепинъ Александъръ Аполлоновичъ, штабс-капитанъ Шеллеръ Александъръ Матвѣевичъ, раненъ и остался въ строю маюры Кайзеръ Христо Нѣкоичъ, Контузены полковника Васильевъ Петъръ Гавриловъ и капитанъ Салѣпъ Федоръ Митропольчъ.

«Рѣчь» сообщаетъ: «Въ Ковѣ было доставленъ командръ полка, сдержившаго патицкій германской линии, полковникъ Гринниковъ, смертельно раненъ въ голову. Сѣянная ему трепалія не помогла и онъ скончался».

Подпоручикъ Л. привезъ съ собою въ Мскву съѣзжую рапортъ ротного командря: «Долопу, что германцы избиваютъ нашихъ раненыхъ, а некоторые мышатъ, тѣхъ призываютъ. Свѣтѣющіеся» этого являются нижніе чины Смирновъ и Миногуловъ. Послѣдній булыкъ раненъ въ руку, былъ затѣмъ германцами раненъ штыкомъ. Полупоручикъ избываетъ такія подробности: раненый Миногуловъ, когда въ немъ подошли вѣмѣщи санитары, застонала. Санитары хотѣли познать раненого, но, узнавъ въ немъ русскаго, отпѣли изъ санитаровъ ударили Миногулову штыкомъ въ спину. Нѣмы вырвались пакъть съ перенесочнымъ материаломъ у одного капитана, когда онъ, будучи раненъ, началъ дѣлать себѣ перевязку.

Прибывшій изъ Константинона передаетъ, что настроение напряженное, какъ никогда, и ежеминутно можно ждать взрыва. Въ городе русскимъ пассажирамъ относятся очень подозрительно и повсюду требуютъ паспорта.

Очевидно, въ связи съ турецкимъ настроениемъ турецкій военный министръ посыпалъ русскому послу. Послѣ посыпанія тревога вѣсъголово успокоилась, хотя и не на долго.

«Гебентъ» и «Бреслау» уже исправлены и стоятъ у Сант-Себастьяна, где собранъ и весь турецкий флотъ.

Въ Эгейскомъ морѣ, у самыи Дарданеллъ, сконцентрировано около 40 выслѣдовъ франко-английской эскадръ, зорко стоящихъ всѣ проходій торговыи и пассажирскыи суда. Суда, подъходящіи къ Дарданелламъ, останавливаются, на нихъ наводится пушки съ крейсеровъ, съ судами подходитъ минносока, и английскіе офицеры, поднимаясь на пароходъ, проверяютъ у пассажиръ документовъ.

Служащими хернѣ губернскаго и берегового

войскъ изъ Каневъ-Попольскъ.

Еще о Каневъ-Попольскъ.

Продолжающіе прибывать въ Одесу жители Каменецъ-Подъѣзжіи рассказываютъ о рѣдѣ еще неизвестныхъ эпизодовъ изъ пережитыхъ каменчанами тяжелыхъ дней.

Во время бомбардировокъ города разорвавшейся на центральнѣй Почтовой улицѣ шириной бы лѣ, какъ уже известно, убиты трое горожанъ. Кроме этихъ же, при вступлении австрійцевъ въ городъ было убитъ, оказывается, еще одинъ беззащитный житель, старинѣ-портной Майданъ.

Это было уже послѣ бомбардировокъ города.

Несчастный стаканъ прѣдѣлъ по мерѣ и безъздѣйной Губернаторской плющади, въ тотъ же моментъ, когда, спустя нѣсколько минутъ послѣ перехода черезъ находящійся по близости Турецкаго моста, на площади этой появился первый отрядъ австрійцевъ.

— «Наѣтъ!» — приказалъ Горбману, командовавшему австрійскими офицерами, требуя чтобъ старикъ остановился.

Старикъ не разыгрывалъ иль, вѣрно всѣго, просто не понялъ ни смысла приказаний, ни того, что они именно къ нему относятся, и продолжалъ свой путь, вовсе не подозревая, что австрійцамъ они представляются опасными врагами. Въ дальнѣхъ разсѣдѣніяхъ, австрійскому офицеру тутъ же, на ходу, лѣбѣдѣвшемъ образомъ собственоручно пристрѣльть изъ револьвера злосчастнаго старика. «Сопротивляясь» настолько было, такимъ образомъ, показано...

Удѣльствовавшись четырьмя искусственными человѣческими жертвами, обнаружившими ихъ вступление въ городъ, австрійцы въ дальнѣшемъ старались поддерживать съ населениемъ мирные отношенія.

По вопросамъ административныхъ они спохватились съ одной стороны съ городскими головами, а съ другой — съ гражданской милиціей, которая образовывалась послѣ ухода изъ Каменца-Подъѣзжіи изъ подъѣзжихъ изъ Каменца-Подъѣзжія русскихъ полковъ.

Это было уже послѣ бомбардировокъ города.

Несчастный стаканъ прѣдѣлъ по мерѣ и безъздѣйной Губернаторской плющади, въ тотъ же моментъ, когда, спустя нѣсколько минутъ послѣ перехода черезъ находящійся по близости Турецкаго моста, на площади этой появился первый отрядъ австрійцевъ.

— «Наѣтъ!» — приказалъ Горбману, командовавшему австрійскими офицерами, требуя чтобъ старикъ остановился.

Старикъ не разыгрывалъ иль, вѣрно всѣго, просто не понялъ ни смысла приказаний, ни того, что они именно къ нему относятся, и продолжалъ свой путь, вовсе не подозревая, что австрійцамъ они представляются опасными врагами. Въ дальнѣхъ разсѣдѣніяхъ, австрійскому офицеру тутъ же, на ходу, лѣбѣдѣвшемъ образомъ собственоручно пристрѣльть изъ револьвера злосчастнаго старика. «Сопротивляясь» настолько было, такимъ образомъ, показано...

Удѣльствовавшись четырьмя искусственными человѣческими жертвами, обнаружившими ихъ вступление въ городъ, австрійцы въ дальнѣшемъ старались поддерживать съ населениемъ мирные отношенія.

По вопросамъ административныхъ они спохватились съ одной стороны съ городскими головами, а съ другой — съ гражданской милиціей, которая образовывалась послѣ ухода изъ Каменца-Подъѣзжіи изъ подъѣзжихъ изъ Каменца-Подъѣзжія русскихъ полковъ.

Это было уже послѣ бомбардировокъ города.

Несчастный стаканъ прѣдѣлъ по мерѣ и безъздѣйной Губернаторской плющади, въ тотъ же моментъ, когда, спустя нѣсколько минутъ послѣ перехода черезъ находящійся по близости Турецкаго моста, на площади этой появился первый отрядъ австрійцевъ.

— «Наѣтъ!» — приказалъ Горбману, командовавшему австрійскими офицерами, требуя чтобъ старикъ остановился.

Старикъ не разыгрывалъ иль, вѣрно всѣго, просто не понялъ ни смысла приказаний, ни того, что они именно къ нему относятся, и продолжалъ свой путь, вовсе не подозревая, что австрійцамъ они представляются опасными врагами. Въ дальнѣхъ разсѣдѣніяхъ, австрійскому офицеру тутъ же, на ходу, лѣбѣдѣвшемъ образомъ собственоручно пристрѣльть изъ револьвера злосчастнаго старика. «Сопротивляясь» настолько было...

Удѣльствовавшись четырьмя искусственными человѣческими жертвами, обнаружившими ихъ вступление въ городъ, австрійцы въ дальнѣшемъ старались поддерживать съ населениемъ мирные отношенія.

По вопросамъ административныхъ они спохватились съ одной стороны съ городскими головами, а съ другой — съ гражданской милиціей, которая образовывалась послѣ ухода изъ Каменца-Подъѣзжіи изъ подъѣзжихъ изъ Каменца-Подъѣзжія русскихъ полковъ.

Это было уже послѣ бомбардировокъ города.

Несчастный стаканъ прѣдѣлъ по мерѣ и безъздѣйной Губернаторской плющади, въ тотъ же моментъ, когда, спустя нѣсколько минутъ послѣ перехода черезъ находящійся по близости Турецкаго моста, на площади этой появился первый отрядъ австрійцевъ.

— «Наѣтъ!» — приказалъ Горбману, командовавшему австрійскими офицерами, требуя чтобъ старикъ остановился.

Старикъ не разыгрывалъ иль, вѣрно всѣго, просто не понялъ ни смысла приказаний, ни того, что они именно къ нему относятся, и продолжалъ свой путь, вовсе не подозревая, что австрійцамъ они представляются опасными врагами. Въ дальнѣхъ разсѣдѣніяхъ, австрійскому офицеру тутъ же, на ходу, лѣбѣдѣвшемъ образомъ собственоручно пристрѣльть изъ револьвера злосчастнаго старика. «Сопротивляясь» настолько было...

Удѣльствовавшись четырьмя искусственными человѣческими жертвами, обнаружившими ихъ вступление въ городъ, австрійцы въ дальнѣшемъ старались поддерживать съ населениемъ мирные отношенія.

По вопросамъ административныхъ они спохватились съ одной стороны съ городскими головами, а съ другой — съ гражданской милиціей, которая образовывалась послѣ ухода изъ Каменца-Подъѣзжіи изъ подъѣзжихъ изъ Каменца-Подъѣзжія русскихъ полковъ.

Это было уже послѣ бомбардировокъ города.

Несчастный стаканъ прѣдѣлъ по мерѣ и безъздѣйной Губернаторской плющади, въ тотъ же моментъ, когда, спустя нѣсколько минутъ послѣ перехода черезъ находящійся по близости Турецкаго моста, на площади этой появился первый отрядъ австрійцевъ.

— «Наѣтъ!» — приказалъ Горбману, командовавшему австрійскими офицерами, требуя чтобъ старикъ остановился.

Старикъ не разыгрывалъ иль, вѣрно всѣго, просто не понялъ ни смысла приказаний, ни того, что они именно къ нему относятся, и продолжалъ свой путь, вовсе не подозревая, что австрійцамъ они представляются опасными врагами. Въ дальнѣхъ разсѣдѣніяхъ, австрійскому офицеру тутъ же, на ходу, лѣбѣдѣвшемъ образомъ собственоручно пристрѣльть изъ револьвера злосчастнаго старика. «Сопротивляясь» настолько было...

Удѣльствовавшись четырьмя искусственными человѣческими жертвами, обнаружившими ихъ вступление въ городъ, австрійцы въ дальнѣшемъ старались поддерживать съ населениемъ мирные отношенія.

По вопросамъ административныхъ они спохватились съ одной стороны съ городскими головами, а съ другой — съ гражданской милиціей, которая образовывалась послѣ ухода изъ Каменца-Подъѣзжіи изъ подъѣзжихъ изъ Каменца-Подъѣзжія русскихъ полковъ.

Это было уже послѣ бомбардировокъ города.

Несчастный стаканъ прѣдѣлъ по мерѣ и безъздѣйной Губернаторской плющади, въ тотъ же моментъ, когда, спустя нѣсколько минутъ послѣ перехода черезъ находящійся по близости Турецкаго моста, на площади этой появился первый отрядъ австрійцевъ.

— «Наѣтъ!» — приказалъ Горбману, командовавшему австрійскими офицерами, требуя чтобъ старикъ остановился.

